

когда мы слѣдуемъ соблазну говорить не отъ своего имени, а отъ имени самой исторіи, самого Провидѣнія, не допуская возможности собственной неправды. Интуиція хороша, когда она есть любовь (Платонъ), симпатія (Бергсонъ). Но слишкомъ еще много ненависти въ интуиціи Ландау. Психологія его слишкомъ много таитъ въ себѣ еще отъ психологіи войны (что опять такъ роднитъ его съ большевизмомъ), въ ней слишкомъ много еще неизжитаго ожесточенія, двойственности расцѣнокъ. И потому напрасно Ландау ссылается какъ на своего союзника на Кейнса, значеніе книги котораго заключается не въ томъ, что онъ критикуетъ Вильсона и отвергаетъ Версальскій договоръ, а въ томъ, что онъ дѣлаетъ все это, признавая право въ международныхъ отношеніяхъ, признавая обязанности Германіи, возникшія изъ факта войны, и тѣмъ самымъ въ подлинномъ смыслѣ становясь на точку зрѣнія мира и справедливости, которая — да простить намъ авторъ эту наивно-примитивную нашу вѣру — все же, пусть только въ идеѣ, существуетъ и въ международныхъ отношеніяхъ.

Sergius.

Проф. Ф. В. Тарановскій. Энциклопедія права, изд. 2-е, исправленное и дополненное, 1923 (Труды русскихъ ученыхъ за границей, т. IV, изд. «Слово»), стр. 425.

Первое изданіе прокрасной книги проф. Ф. В. Тарановскаго вышло въ свѣтъ въ самый канунъ революціи, въ февралѣ 1917 года; оно не могло, поэтому, при послѣдовавшей скорѣй разрухѣ печатнаго дѣла быть въ достаточной мѣрѣ отмѣчено. Между тѣмъ, появленіе этой книги было большимъ событіемъ въ русской учебной литературѣ по теоріи права, и нельзя не порадоваться, что второе ея изданіе, пересмотрѣнное и дополненное, даетъ основаніе вернуться къ ея разбору.

Учебникъ проф. Тарановскаго заполняетъ давно ощущавшіяся пробѣлы въ учебномъ пособіи на русскомъ языкѣ, подводившемъ съ возможной полнотой итогъ научному развитію теоретической юриспруденціи послѣднихъ десятилѣтій. Эта задача не выполнялась не только «Лекціями по общей теоріи права» Каргунова, трудомъ въ свое время классическимъ, но съ 90-хъ годовъ не перерабатывавшимся, а потому устарѣвшимъ за четверть вѣка до послѣдней степени, но и ни однимъ изъ болѣе новыхъ руководствъ: монументальный и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный двухтомный трудъ проф. Л. И. Петражицкаго даетъ замкнутое въ себѣ изложеніе теоріи автора и совершенно недоступенъ для студентовъ; «Лекціи» кн. Е. Н. Трубецкаго настолько элементарны, что отра-

жають общее состояніе науки лишь въ весьма неполномъ и уменьшенномъ видѣ; краткіе «Очерки» проф. П. Г. Виноградова представляютъ собой лишь введеніе въ курсъ сравнительнаго правовѣдѣнія и всецѣло составлены въ стилѣ англійской юриспруденціи; новѣйшія «Лекціи по общей теоріи права» проф. П. Н. Алексѣева (Симферополь 1919 г.) не обнимають всего курса; наконецъ, наиболѣе полное учебное пособие «Общая теорія права» проф. Шершеневича стоитъ на точкѣ зрѣнія узкаго юридико-догматическаго позитивизма, находящаго мало сторонниковъ въ современной наукѣ, а потому однобоко и пристрастно освѣщаетъ матеріалъ, давая нѣсколько извращенную общую перспективу. Проф. Тарановскій, какъ извѣстный историкъ права и спеціально знатокъ исторіи науки права, которой были посвящены его главныя работы, оказался въ особенно счастливомъ положеніи для восполненія этого пробѣла; съ большимъ вкусомъ и широтой исторической перспективы онъ излагаетъ по каждому вопросу все наиболѣе значительныя теоретическія построенія послѣднихъ десятилѣтій, включая ихъ въ общую раму прослѣживаемой имъ эволюціи права и его науки. Спеціальность автора не могла не сказаться на особомъ богатствѣ историческаго матеріала, разсыпаннаго въ книгѣ, — всегда трезвычаино и искусно и оригинально подобранныго и внесшаго много интересныхъ точекъ зрѣнія въ освѣщеніе отдѣльныхъ проблемъ, но иногда чересчуръ ужъ обильнаго, какъ особенно во второй части книги, посвященной «Общему ученію о государствѣ» (стр. 273-419).

Проф. Тарановскій исходитъ изъ взгляда, согласно которому понятіе права можетъ быть непосредственно найдено въ реально-эмпирическомъ ряду социальной дѣйствительности. Однако, стремясь преодолѣть «односторонній и безоглядный позитивизмъ», проявляющійся въ естественно-научномъ подходѣ къ общественнымъ явленіямъ, авторъ заявляетъ о своемъ присоединеніи къ ученію Риккерта и его школы; согласно которому явленія социально-историческія относятся къ царству культуры, а не природы, и не подчиняются законамъ механической причинности. Право, какъ разновидность социальныхъ нормъ, характеризуется, по опредѣленію проф. Тарановскаго, четырьмя моментами: 1) своимъ двустороннимъ, императивно-атрибутивнымъ воздѣйствіемъ на психику (Л. И. Петражицкій), 2) своей установленностью ви́шнимъ авторитетомъ въ данной социальной средѣ, 3) своей сочетаемостью въ извѣстныхъ случаяхъ съ принужденіемъ, 4) своей цѣлью, сводящейся къ «обеспеченію индивидуальной свободы для осуществленія признанныхъ правомъ интересовъ». — Наряду съ правомъ положительнымъ проф. Тарановскій признаетъ существованіе права естественнаго, которое онъ, слѣдуя Штаммлеру, рассматриваетъ, какъ результатъ оцѣнки

положительнаго права, согласно степені его соответствія идеѣ справедливости. Попутно проф. Тарановскій даетъ блестящій очеркъ исторіи естественно - правовой доктрины (§ 19), самостоятельное научное значеніе котораго должно быть специально отмѣчено наряду съ другими заслуживающими особаго вниманія отдѣлами книги, именно: исчерпывающимъ историческимъ опроверженіемъ государственной теоріи права (гл. 13 и стр. 308 и сл. и 420 и сл.); оригинальной главой о классификаціи государствъ, основанной на многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ доктрины Монтескье (гл. 12); прекраснымъ очеркомъ «о происхожденіи и значеніи историческаго изученія права» (гл. 9) и, наконецъ, чрезвычайно полнымъ обзоромъ главнѣйшихъ теорій, устанавливающихъ критерій дѣленія права на публичное и частное (гл. VI).

Главное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ основной теоретической концепціи проф. Тарановскаго, состоитъ въ томъ, что онъ, несмотря на все свое стремленіе преодолѣть односторонній социологическій позитивизмъ, остается подъ его властью. Чтобы постичь право, какъ элементъ царства культуры, необходимо уже обладать апіорно - философскимъ понятіемъ о правѣ. Чрезмѣрно эмпиризируя понятіе культуры, проф. Тарановскій подрываетъ для себя возможность выявленія *нормативнаго* характера права во всемъ его истинномъ объемѣ и знаніи: отсюда чисто психологическій подходъ къ вопросу о структурѣ правовой нормы, объективно - идеальный сверхвременный составъ которой, въ согласіи съ Петражицкимъ, отождествляется съ ея мотивационнымъ воздействием на индивидуальную психику; отсюда же характерная для позитивизма неразличимость технически - гипотетическихъ правилъ и нормъ, проявляющаяся въ приписываніи послѣднимъ извѣстныхъ цѣлей, въ то время какъ вся ихъ специфичность состоитъ въ ихъ самоцѣльности, въ безусловномъ характерѣ ихъ вѣднѣй. То, что проф. Тарановскій подразумѣваетъ подъ цѣлью юридическихъ нормъ, сводится къ ихъ содержанію или функціи. Привлекать сюда понятіе интереса — значитъ, думается мнѣ, смѣшивать нормативно - юридическое и социологическое разсмотрѣніи, которыя проф. Тарановскій такъ прекрасно разграничиваетъ примѣнительно къ ученію о государствѣ и, въ частности, о государственной власти (ср. его критическія замѣчанія противъ Коркунова и Дюга, стр. 291 и сл.). Вопросъ о цѣли права въ правильной постановкѣ есть вопросъ объ его нравственномъ оправданіи, объ отношеніи права и нравственности, обстоятельно освѣщаемый проф. Тарановскимъ, который только не выдвигаетъ этой проблемы на первый планъ, подобающій ей при установленіи понятія права.

Изъ частныхъ проблемъ нельзя согласиться съ отрицаніемъ «интуитивнаго», автономнаго, независимаго отъ вышшняго авторитета, права; отрицаніе это подрываетъ, по нашему разумѣнію, всякое значеніе за признаніемъ права естественнаго, мыслимаго въ качествѣ реальнаго фактора правовой жизни, — какъ конкурирующее съ правомъ положительнымъ начало — лишь въ видѣ идеальнаго составнаго элемента «интуитивнаго» права; иначе можетъ итти рѣчь лишь о *нравственной* критикѣ *положительнаго* права, а не объ *особомъ естественномъ правѣ*.

Трудно въ небольшой рецензій цѣликомъ изложить и критически оцѣнить блестящій исключительной полнотой и насыщенностью содержанія учебникъ проф. Тарановскаго. Сторонники самыхъ разнообразныхъ позицій одинаково сойдутся въ признаніи его рѣдкихъ достоинствъ, обусловленныхъ широтой исторической концепціи и поразительно объективнымъ и полнымъ изложеніемъ всѣхъ заслуживающихъ вниманіе теорій. Стремленіе сочетать идеалистическое и позитивистическое воззрѣнія, на которое мы напалили съ точки зрѣнія чистоты философскихъ принциповъ, какъ нельзя лучше отразилось на качествахъ книги проф. Тарановскаго, какъ учебника, свободнаго даже отъ намека на какую бы то ни было предвзятость и односторонность. Книга Ф. В. Тарановскаго всемѣрно заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ наиболѣе цѣнное пособіе по теоріи права въ русской юридической литературѣ.

Доцентъ Г. Д. Гурвичъ.

Засл. проф. петрогр. унив. **А. В. Васильевъ**. Пространство, время, движеніе. Историческое введеніе въ общую теорію относительности. Книгоиздательство «Аргонавты», Берлинъ.

Эта книга даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ въ своемъ заглавіи. На пространствѣ 148 страницъ предстаетъ предъ нами пестрая картина смѣнявшихся воззрѣній на философскую и научную природу пространства, времени и движенія, дается краткое, но исчерпывающее изложеніе спеціальной и общей теоріи относительности Эйнштейна, причемъ математическая сторона затронута въ размѣрахъ и формѣ, доступной и читателю, знакомому только съ верхами высшей математики, а въ заключительной главѣ оцѣнивается философское значеніе теоріи относительности.

Прекрасный замыселъ почтеннаго ученаго выполненъ съ юношескимъ энтузіазмомъ и большимъ искусствомъ. Для насъ русскихъ этотъ трудъ получаетъ еще особенное значеніе, потому что въ немъ съ достаточной полнотой выясняется историческая роль геніальнаго русскаго ученаго, проф. казанскаго университета Ник.